
Виктор Атрахимёнок
Сон без выхода

Виктор Атрахимёнок
Сон без выхода

https://litres.ru/74747189
SelfPub; 2026

Аннотация

«Сон без выхода» — сборник рассказов, рожденных из снов. Главы книги не дают ответов, но заставляют по-новому взглянуть на бодрствующую жизнь. Для тех, кто чувствует, что граница между явью и сном тоньше, чем кажется.

Содержание

11:06 4
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Виктор Атрахимёнок
Сон без выхода

11:06

Тротуар Невского проспекта, у витрины часового магазина. Слева от меня — арка двора, тёмная и глубокая, с кодовым замком на железной двери. Справа проспект уходит прямой линией к площади, и в конце его дома смыкаются, оставляя узкий просвет, будто кто-то сжал улицу пальцами. Надо мной — стена доходного дома с лепниной у карниза: пальметты, лиственный орнамент, всё это я разглядывал сотни раз, пока ждал кого-нибудь у входа. За спиной у меня шесть шагов до проезжей части, три плитки тротуара в ширину и люди, идущие в обе стороны. Лето, солнце, на часах 11:06. Я иду на встречу к половине двенадцатого и несу папку с документами, прижатую к боку локтем. Я всегда выхожу заранее. Мне важно прийти не вовремя, а раньше, чтобы успеть осмотреться, проверить дверь, номер кабинета, выражение лиц. Сегодня я тоже всё проверил: маршрут, время, альтернативный путь через двор. Поэтому, когда солнце вдруг тускнеет, я сначала смотрю на часы, а не на небо.

Тучи наползают быстро, но без ветра. Они не плывут, а

будто проявляются на стекле неба, серые, плотные, с неровным краем. Будто предвестники града. Свет становится ровным и плоским, как в комнате без окон. Я делаю ещё несколько шагов и замечаю, что автомобили исчезли. Не остановились, не свернули — просто между домами и мной теперь пустая дорога, и асфальт на ней кажется слишком гладким. Люди по-прежнему идут. Идут? Их шаги не дают звука и есть ли шаги. Я слышу только свою папку, которая шелестит о куртку, и собственное дыхание. Потом появляется туман. Он поднимается не от земли, а опускается сверху, цепляется за вывески и балконы. В нём пахнет мокрой штукатуркой и старым подвалом.

Дома меняются, пока я смотрю на них. Сначала по фасадам идёт тёмная сетка, будто что-то проступило сквозь краску. Стены начинают покрываться мхом, густым, зелёно-бурым, и чёрной плесенью, которая расползается пятнами вокруг окон. Витрина часового магазина мутнеет, цифры на часах внутри становятся белыми и плоскими. Я опускаю глаза на свои часы: 11:06. Стрелка не двигается. Я трясу рукой, но время стоит. Люди вокруг тоже стоят — не все, только те, что шли мне навстречу. Они бледнеют, теряют края, становятся прозрачными. Сквозь каждого я вижу следующего за ним. Потом призраки поворачиваются ко мне. Медленно и все сразу. И начинают двигаться в мою сторону.

Я не помню, как оказываюсь у парадной. Помню только, что бегу, хотя ноги почти не чувствуют плитки. Дверь тяжё-

лая, крашеная в грязно-жёлтый, с кодовым замком, который я никогда не открывал. Но она поддаётся. Я влетаю внутрь, и дверь захлопывается за мной сама. В парадной темно, пахнет сыростью. Слева почтовые ящики, справа лестница с чугунными перилами, на ступенях известковая пыль. Видимо бросил папку открывая дверь. Я стою, прижавшись спиной к стене, и слушаю. Призраки не заходят. Я вижу их через стекло двери: они стоят на тротуаре, покачиваются, но граница парадной для них закрыта. Их слишком много. Они не стучат, не говорят, просто ждут. И это ожидание хуже погони. Я отступаю от двери и начинаю подниматься.

Лестница идёт вверх с поворотами. На первом этаже ещё можно различить окно, на втором трещину на потолке, на третьем чей-то велосипед у перил. Потом свет заканчивается. Не гаснет, а именно заканчивается, как будто я переступаю границу, за которой его никогда не было. Я всё ещё чувствую под ногами ступени, но не вижу их. Перила холодные, под рукой ощущается полопавшаяся старостью краска. Я иду на ощупь, начиная считать шаги, потому что считать — единственное, что остаётся от меня прежнего. Двадцать один, двадцать два, двадцать три. На двадцать четвертой ступени тьма становится абсолютной. Я останавливаюсь. Я не знаю, на каком я этаже и есть ли вообще этажи выше.

Тьма не пустая. Сначала я думаю, что это просто отсутствие света, но постепенно понимаю, что в ней слишком тесно. Она касается меня со всех сторон, давит и держит, как уз-

кое помещение без выхода. Я пытаюсь дышать ровно и считаю вдохи. Первый вдох длится столько же, сколько обычно. Второй дольше. Третий растягивается так, что я успеваю вспомнить дорогу до парадной, папку с документами, встречу в половине двенадцатого. Четвёртый вдох не заканчивается. Я жду его окончания и не дожидаюсь. Время перестаёт быть временем. Оно становится расстоянием, которое я не могу пройти. Я стою в оцепенении, и страх во мне не расходится волнами, а оседает в меня усиливаясь. Я боюсь не темноты. Я боюсь того, что в ней кто-то есть и этот кто-то не спешит.

Наконец звучит голос. Он не называет себя. Ему это не нужно. Звучит не снаружи — он звучит там, где обычно я слышу свою собственную мысль, только это не моя мысль. Он ровный, без угрозы, и от этого хуже. «Ты понимаешь, что просто так не вернёшься в мир живых?» Я стою посреди тьмы и мысленно киваю. Я не верю и не спорю. Я просто соглашаюсь с тем, что дверь за мной закрылась. Голос не торопится. Между его словами проходит столько времени, что мне кажется, будто говорит не оно, а сама тьма. «Я дам тебе выбор. Ты вернёшься в свой мир, проживёшь яркую жизнь, а когда умрёшь твоя душа отойдет мне. Или ты останешься запертым, здесь, меж мирами, навсегда». Я не думаю о душе. Я думаю о папке с документами видимо брошенной у двери, о встрече в половине двенадцатого, о том, что не предупредил никого. Я соглашаюсь, не осознавая, на что именно. Мне

кажется, что я просто выбираю встать и выйти. Тьма отходит.

Она не рассеивается, а отступает, как вода, которую кто-то убрал из комнаты. Я снова вижу ступени, перила, велосипед. Спускаюсь вниз, уже не считая. В парадной по-прежнему пахнет сыростью, но дверь открыта. Я выхожу на улицу. Призраки стоят на тротуаре и расступаются передо мной. Они не касаются меня, но я чувствую их холод. Потом один из них наливается цветом, становится женщиной в светлом плаще, с сумкой через плечо. За ней другой — мужчина с телефоном у уха. Они начинают говорить, и звук возвращается сразу, целиком: колеса, шаги, чей-то смех позади. Туман растворяется. Солнце выходит из-за туч, и асфальт становится резко-светлым, почти белым. Я стою посреди Невского проспекта, на том же месте, где стоял, и не могу сделать вдох. Передо мной у двери лежит папка с документами.

На часах 11:06. Стрелка дёргается и идёт. Люди обтекают меня, автомобили снова появляются на дороге. Всё как было, только у меня внутри теперь пусто и тихо. Я смотрю на витрину часового магазина, на своё отражение, и не узнаю человека в нём. Я не чувствую радости от возвращения. Я чувствую обречённость, ровную и тяжёлую, как мокрая штукатурка. Я поднимаю папку и иду дальше, потому что ноги ещё помнят направление. Встреча в половине двенадцатого состоится. Я приду раньше. Я всегда прихожу раньше. И с этим чувством я просыпаюсь.

Комната. Надо мной потолок, трещина у люстры, форточ-

ка приоткрыта, и за ней слышно пение птиц. За окном ветки деревьев еще мокрые от утренней росы. Я лежу неподвижно и слушаю звуки старого дома. На полу у двери сидит кошка и смотрит на меня. Рядом с кроватью стол, на нём часы с радио. Я не смотрю на них сразу. Сначала я смотрю на свои руки. Потом всё-таки поворачиваю голову. Одиннадцать часов, шесть минут. Я лежу и считаю: одиннадцать раз по шестьдесят минут и ещё шесть. Ровно шестьсот шестьдесят шесть минут. В комнате пахнет пылью. Я встаю, подхожу к окну и от

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.